

Соотношение и разграничение публично-правовых институтов искусственного интеллекта и автоматизированных административных процедур

Сергей Владимирович Иванов

Московский университет "Синергия", г. Москва, Россия.

ivanovsergei5@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5953-4530>

Аннотация

Цель. Определить место формирующегося института искусственного интеллекта (далее – ИИ) в системе институтов публичного права и выявить особенности его соотношения с институтом административных процедур применительно к подготовке и принятию ненормативных административных актов органами исполнительной власти и иными субъектами публичной администрации. Предмет исследования сознательно ограничен позитивными административными производствами – разрешительными, регистрационными, сервисными, отдельными контрольно-надзорными процедурами неделиктного характера. Производство по делам об административных правонарушениях и административное судопроизводство используются как смежный материал для анализа требований мотивированности и проверяемости акта, но не отождествляются с административными процедурами.

Методы. Исследование опирается на общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы юридической науки – формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный. Формально-юридический метод использован при изучении нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих создание и применение ИИ в публично-правовой сфере. Сравнительно-правовой метод применён для сопоставления российского подхода с подходом Европейского союза как международного объединения, принявшего первый системный акт о регулировании ИИ. Системно-структурный метод позволил определить место института ИИ в системе институтов публичного права.

Результаты. Установлено, что институт ИИ в публичном праве имеет комплексный характер не вследствие простого наличия норм в различных нормативных правовых актах, а вследствие единства регулируемых отношений, специальных понятий, общей гарантийной функции и необходимости межотраслевой координации. Соотношение института ИИ с институтом административных процедур рассмотрено применительно к ненормативным административным актам. Выявлены два типа правовых дефектов. Первый – правовой пробел: отсутствие специальных норм о подготовке такого акта с использованием ИИ и о проверке необоснованности алгоритмического вывода. Второй – правовая коллизия в широком смысле: напряжение между требованием мотивированности акта и технической непрозрачностью отдельных моделей машинного обучения. Проведено разграничение между автоматизированной фиксацией юридически значимых событий (статья 28.6 КоАП РФ) и автоматизированной подготовкой административного решения.

Выводы. Институт ИИ в публичном праве является формирующимся комплексным межотраслевым институтом. Его соотношение с институтом административных процедур требует закрепления двух групп норм: процедурных – об указании факта использования ИИ при подготовке ненормативного административного акта, о требованиях к прозрачности алгоритма, о возможности оспаривания алгоритмического вывода; классификационных – о разграничении допустимых и недопустимых сфер применения ИИ в публично-властной

деятельности с учётом уровня риска. Выводы статьи непосредственно относятся к ненормативным административным актам; вопрос о применении ИИ в ведомственном нормотворчестве требует самостоятельного исследования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, институт публичного права, административные процедуры, позитивные административные производства, ненормативный административный акт, автоматизированное принятие решений, алгоритмическое регулирование, мотивированность решения, риск-ориентированный подход, комплексный правовой институт.

Для цитирования: Иванов С. В. Соотношение и разграничение публично-правовых институтов искусственного интеллекта и автоматизированных административных процедур // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С. 25 -39. EDN: FWEZMZ

Original article

Correlation and differentiation of public law institutions of artificial intelligence and automated administrative procedures

Sergey V. Ivanov

Autonomous non-profit organization of higher education Moscow University "Synergy"

ivanovsergei5@yandex.ru

Abstract

Purpose. The purpose of this study is to determine the place of the emerging institute of artificial intelligence (AI) in the system of public law institutes and to identify its correlation with the institute of administrative procedures in relation to the preparation and adoption of individual (non-normative) administrative acts by executive authorities and other public administration bodies. The subject matter is deliberately limited to positive administrative proceedings, including licensing, registration, public service and certain non-delict control procedures. Proceedings on administrative offences and administrative litigation are used only as adjacent material for analysing the reasoning and reviewability of an act and are not equated with administrative procedures.

Methods. The research is based on general scientific methods (analysis, synthesis, systematic approach) and specialized legal methods – formal-legal, comparative-legal, systematic-structural. The formal-legal method was used to study the regulatory legal acts of the Russian Federation governing the creation and application of AI in the public law sphere. The comparative-legal method was used to compare the Russian approach with the approach of the European Union as an international association that adopted the first systematic act on AI regulation. The systematic-structural method made it possible to determine the place of the AI institute in the system of public law institutes.

Results. It was established that the AI institute in public law is complex not because AI rules are mechanically dispersed among different legal acts, but because the regulated relations, special concepts, common guarantee function and need for cross-sectoral coordination are unified. The correlation between the AI institute and administrative procedures is analysed in relation to individual administrative acts. Two types of legal defects are identified. The first is a legal gap: the absence of special rules governing the preparation of such an act with the use of AI and the review of the unreasonableness of an algorithmic conclusion. The second is a legal conflict in a broad sense: the tension between the requirement to give reasons for an act and the technical opacity of some machine-learning models. A distinction is made between automated recording of legally significant events (Article 28.6 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation) and automated preparation of an administrative decision.

Conclusions. The AI institute in public law is an emerging complex cross-sectoral institute. Its correlation with administrative procedures requires the consolidation of two groups of rules: procedural rules on indicating the fact of using AI in the preparation of an individual administrative act, on requirements for algorithmic transparency and on the possibility of challenging an algorithmic conclusion; and classification rules distinguishing permissible and impermissible areas

of AI application in public authority activities according to the level of risk. The conclusions directly concern individual administrative acts; the use of AI in departmental rule-making requires separate research.

Keywords: artificial intelligence, public law institution, administrative procedures, positive administrative proceedings, individual administrative act, automated decision-making, algorithmic regulation, reasoning of a decision, risk-based approach, complex legal institution.

For citation: Ivanov, S. V. Correlation and differentiation of public law institutions of artificial intelligence and automated administrative procedures. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3):25-39. (In Russ). EDN: FWEZMZ

Введение

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность органов публичной власти формирует в российском праве новый правовой институт – институт искусственного интеллекта. Этот процесс поставил перед наукой публичного права задачу: определить, каким образом складывающаяся совокупность норм соотносится с уже сложившимися институтами отраслей публичного права.

В общей теории права институт права понимается как обособленная группа юридических норм, регулирующая определённую разновидность общественных отношений [1, с. 397]. Применительно к искусственному интеллекту в российском публичном праве постепенно складывается совокупность норм, регулирующих отношения, которые возникают при разработке, внедрении и использовании технологий ИИ в публично-властной сфере. Эти нормы содержатся в актах различной юридической силы. Если расположить

их по убыванию юридической силы, то речь идёт о:

Конституции Российской Федерации (в части статей 2, 19, 23, 24, 46, а также введённых поправками 2020 года положений об информационных технологиях¹;

Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях²;

Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации³;

Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»⁴;

Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве...»⁵;

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

⁵ Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹;

Федеральном законе от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ²;

Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в редакции Указа от 15 февраля 2024 г. № 124)³;

Указе Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116 о Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта⁴;

Национальном стандарте ГОСТ Р 71476-20245 и иных стандартах Технического комитета по стандартизации № 164.

Указанные нормы относятся к предметам регулирования различных отраслей публичного права – конституционного, административного, информационного, что указывает на комплексный характер формирующегося института.

Актуальность соотнесения института ИИ с институтами публичного права связана с тем, что внедрение алгоритмических технологий в публично-властную деятельность затрагивает сущностные характеристики этих институтов. При этом предмет исследования нуждается в специальном ограничении. В настоящей работе административные процедуры рассматриваются в строгом смысле – как внесудебный порядок осуществления публичной администрацией позитивных полномочий, завершающийся подготовкой или принятием ненормативного административного акта либо совершением юридически значимого административного действия. Ведомственное нормотворчество, производство по делам об административных правонарушениях и административное судопроизводство не включаются в предмет исследования как самостоятельные разновидности административных процедур; они привлекаются лишь постольку, поскольку позволяют выявить пределы автоматизации, требования мотивированности и механизмы последующего контроля.

Во-первых, именно позитивные административные процедуры оформляют повседневную реализацию полномочий органов исполнительной власти в отношении граждан и организаций: предоставление государственных и муниципальных услуг, разрешительные, регистрационные, лицензионные процедуры, отдельные неделиктные этапы контрольно-надзорной деятельности. В этих процедурах внедрение ИИ способно непосредственно влиять на содержание индивидуального административного решения. Во-вторых, пограничным материалом для исследования выступает автоматическая фиксация административных правонарушений: российский правопорядок допуская автоматическое выявление события (статья 28.6 КоАП РФ⁶), одновременно ограничивает принятие юридически

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

² Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О персональных данных“» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).

³ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2026. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

⁵ ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 28.10.2024 № 1550-ст. М.: Российский институт стандартизации, 2024.

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

значимого решения исключительно автоматизированными средствами (статья 16 Федерального закона «О персональных данных»¹). Данный пример используется не для включения всего производства по делу об административном правонарушении в административные процедуры, а для разграничения автоматизированного выявления факта и автоматизированного принятия властного решения.

В-третьих, в институте административных процедур наиболее ясно видно расхождение между темпом технологического развития и темпом адаптации правового регулирования: технологии внедряются, а процедурные нормы, обеспечивающие их применение, отстают. Подобный разрыв характерен, по наблюдению И.А. Филиповой, для российской модели регулирования ИИ в целом, которую автор обозначает как «стимулирующую» [2].

Степень научной разработанности темы. Фундаментальные вопросы правового регулирования ИИ в российской науке разрабатывались в нескольких направлениях. И.В. Понкин и А.И. Редькина предложили определение ИИ как «искусственной сложной кибернетической системы» и систематизировали подходы к его правовому положению [3]. И.А. Филипова подготовила учебник «Правовое регулирование искусственного интеллекта», включающий специальную тему, посвящённую ИИ и публичному праву [2]. О.А. Ижаев, Д.Л. Кутейников и С.С. Зенин в монографии «Искусственный интеллект и право. От фундаментальных проблем к прикладным задачам» рассмотрели широкий круг правовых проблем ИИ, в том числе применительно к публичной сфере [4]. Э.В. Талапина одной из первых в российской юридической литературе поставила вопрос об алгоритмах как предмете административно-правового регулирования [5] и рассмотрела возможности использования ИИ для правовых экспертиз в государственном управлении [6]. Вместе с тем системное соотнесение формирующегося института ИИ с институтом административных процедур, с выявлением характера связей между ними, пробелов и коллизий, в отечественной науке до настоящего времени не проводилось, что определяет научную новизну настоящей работы.

В зарубежной литературе последних лет акцент смещается с общих вопросов допустимости ИИ к процедурным гарантиям алгоритмического управления. П. Парычек, В. Шмид и А.-С. Новак связывают автоматизацию административных процедур с необходимостью нормативно закреплённых условий применимости ИИ [8]; Н. Фрост рассматривает алгоритмическое принятие решений как проблему публичности и объяснимости административного усмотрения [9]; О. Мир оценивает Акт ЕС об искусственном интеллекте именно через инструменты административного права [10]; О. Батлер показывает, что делегирование алгоритмической системе меняет распределение ответственности внутри государственного аппарата [11]. Эти работы подтверждают актуальность рассмотрения ИИ не как изолированного технологического явления, а как фактора трансформации административных процедур.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили нормативные правовые акты Российской Федерации, перечисленные выше и расположенные по юридической силе. Из актов регулирующего содержания отдельного внимания заслуживает Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, утверждённый 26 октября 2021 г.²; несмотря на рекомендательный характер, он выполняет регулятивную функцию, задавая стандарты поведения участников соответствующих отношений. Учитывался также проект федерального закона о правовом регулировании ИИ, подготовленный Минцифры России и внесённый в Государственную Думу

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

² Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (утверждён Первым международным форумом «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» 26 октября 2021 г.). URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

в 2025 году (законопроект размещён в Системе обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы) ¹.

В качестве сравнительно-правового материала использован Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета, устанавливающий гармонизированные правила об искусственном интеллекте (Акт об искусственном интеллекте) ². Этот акт принят органом международного объединения – Европейского союза – и не является зарубежным актом в узком смысле (актом конкретного государства), равно как не распространяется на территорию Российской Федерации. Использование Регламента в настоящем исследовании ограничено сравнительным аспектом: его подход к риск-ориентированной классификации ИИ-систем анализируется на предмет возможной адаптации в российском праве. Такое ограничение важно подчеркнуть, поскольку прямое цитирование норм европейского акта как источника регулирования российских отношений методологически некорректно.

Теоретическую базу составили доктринальные источники по общей теории права, конституционному и административному праву, а также специальные работы по правовому регулированию ИИ, опубликованные в период 2018–2026 годов.

Результаты

Институт ИИ как формирующийся комплексный институт публичного права

Для выявления особенностей соотношения института ИИ с институтом административных процедур необходимо прежде всего охарактеризовать формирующийся институт как правовое явление. Такое обоснование не может сводиться к перечислению нормативных правовых актов: самостоятельность правового института предполагает предметное единство регулируемых отношений, функциональную связанность норм, наличие специальных юридических понятий и гарантий, а также устойчивую потребность в согласованном развитии соответствующего массива регулирования.

Поэтому нормы формирующегося института ИИ в публичном праве целесообразно классифицировать не только по отраслевой принадлежности, но и по выполняемой функции в общей системе регулирования.

Первую группу образуют нормы-дефиниции. Легальное определение ИИ содержится в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490: под ИИ понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека»³. В 2024 году понятийный аппарат дополнен определениями «больших генеративных моделей» и «больших фундаментальных моделей». Данные нормы имеют межотраслевое значение и применяются в рамках различных отраслей права.

Вторую группу составляют нормы, устанавливающие специальные (в том числе экспериментальные) режимы использования ИИ. Федеральный закон № 123-ФЗ впервые закрепил специальный режим регулирования ИИ на территории города Москвы ⁴; Федеральный

¹ Проект федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта в Российской Федерации» (подготовлен Минцифры России, 2025) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).

² Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L series. 12.07.2024.

³ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁴ Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

закон № 258-ФЗ распространил модель экспериментальных правовых режимов на сферу цифровых инноваций в целом¹. Статья 18.1 Федерального закона № 258-ФЗ специально регламентирует случаи причинения вреда при использовании ИИ в рамках экспериментальных правовых режимов. По предмету регулирования данные нормы относятся к административному праву, поскольку регулируют отношения, складывающиеся между органом публичной власти, субъектами экспериментального режима и иными участниками при осуществлении исполнительно-распорядительной деятельности, то есть отношения, составляющие предмет административного права [7, с. 30–34].

Третью группу образуют нормы о защите персональных данных при использовании ИИ. Статья 16 Федерального закона № 152-ФЗ закрепляет, что принятие решений на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных, порождающих юридические последствия для субъекта или иным образом затрагивающих его права и законные интересы, допускается только с согласия субъекта; последний вправе возражать против таких решений². Федеральный закон № 233-ФЗ ввёл статью 13.1 Федерального закона № 152-ФЗ и установил особые правила обработки обезличенных персональных данных при формировании составов данных для ИИ³. Отнесение указанных норм к информационному праву обусловлено тем, что они регулируют отношения по обращению с информацией ограниченного доступа и по использованию информационных технологий – то есть отношения, составляющие предмет информационного права, – хотя непосредственно затрагивают и конституционное право на неприкосновенность частной жизни.

Четвёртую группу образуют программно-стратегические нормы, определяющие цели и приоритеты развития ИИ (Национальная стратегия развития искусственного интеллекта, целевые показатели к 2030 году), а также технические нормы национальных стандартов (более ста стандартов, разработанных Техническим комитетом по стандартизации № 164).

Пятую группу составляют нормы этического («рекомендательного») регулирования – в первую очередь Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта⁴. Формально они не являются нормами права, однако фактически выполняют регулятивную функцию, задавая стандарты поведения участников соответствующих отношений.

Таким образом, институт ИИ в публичном праве складывается из норм конституционного, административного и информационного права, однако его комплексный межотраслевой характер определяется не механической разрозненностью источников, а тем, что все эти нормы направлены на регулирование единого типа публично значимых отношений – разработки, внедрения и использования ИИ в сфере публичной власти. Как отмечают О.А. Ижаев, Д.Л. Кутейников и С.С. Зенин, существующие нормы разрознены и не образуют целостной системы, что требует специального научного осмысления [4, с. 71–78]. В рамках настоящей работы рассматривается соотношение этого формирующегося института с институтом административных процедур как с наиболее показательным случаем взаимодействия технологического регулирования и процедурных гарантий.

В указанном смысле речь идёт не о самостоятельной отрасли права и не о завершённом кодифицированном образовании, а о формирующемся правовом институте.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

³ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О персональных данных“» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).

⁴ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (утверждён Первым международным форумом «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» 26 октября 2021 г.). URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

Его институциональная самостоятельность проявляется в четырёх признаках: особом объекте регулирования (алгоритмические системы, используемые в публично-властной сфере); специальном понятийном аппарате (ИИ-система, оператор, пользователь, риск, человеческий надзор); общей гарантийной функции (обеспечение прозрачности, подконтрольности и недискриминационности алгоритмического решения); необходимости согласования норм разных отраслей при регулировании одного технологически обусловленного отношения.

Именно поэтому отнесение норм об ИИ к комплексному институту публичного права не подменяет отраслевую принадлежность отдельных норм. Норма о персональных данных остаётся нормой информационного права, норма об экспериментальном правовом режиме – нормой административного права, а конституционные гарантии частной жизни и судебной защиты сохраняют конституционно-правовую природу. Комплексность возникает на уровне их совместного действия в ситуации, когда публичный субъект использует ИИ для подготовки юридически значимого решения.

Институт ИИ в соотношении с институтом административных процедур

В настоящей работе институт административных процедур понимается как совокупность норм, определяющих внесудебный порядок осуществления публичной администрацией полномочий в отношении граждан и организаций: порядок предоставления государственных и муниципальных услуг, разрешительные, регистрационные, лицензионные процедуры, отдельные неделиктные этапы контрольно-надзорной деятельности, а также подготовку и принятие ненормативного административного акта [7, с. 310–312]. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹ и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации² далее рассматриваются не как источники административных процедур в строгом смысле, а как смежные режимы, позволяющие проверить пределы автоматизации, требование мотивированности и судебную проверяемость публичного акта.

Соотношение института ИИ с институтом административных процедур имеет двойственный характер: нормы первого допускают или стимулируют использование ИИ в деятельности органов исполнительной власти, а нормы второго задают процедурную рамку такого использования – требования к мотивированности акта, к раскрытию оснований решения, к возможности его обжалования. Практические предложения настоящей статьи относятся к ненормативным административным актам. Нормативные акты, включая ведомственное нормотворчество как особое нормотворческое производство, не охватываются выводами автоматически и требуют самостоятельной постановки вопроса.

Наиболее распространённый в российской практике пограничный случай использования автоматизированных средств в деятельности органов публичной власти – фиксация административных правонарушений специальными техническими средствами в соответствии с частью 3 статьи 28.6 КоАП РФ³. Этот пример не следует квалифицировать как административную процедуру в строгом смысле и тем более как «автоматизированное принятие административного решения»; его значение для настоящей работы состоит в разграничении автоматизированного выявления факта и принятия властного решения.

Средства автоматической фиксации фиксируют юридически значимое событие (факт правонарушения), а также формируют материалы, подтверждающие это событие. Постановление по делу об административном правонарушении выносит уполномоченное долж-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

ностное лицо компетентного органа, которое и несёт ответственность за содержание постановления. Таким образом, здесь имеет место автоматизация не властной деятельности в целом, а лишь отдельной операции – сбора и первичной обработки доказательственной информации. Властное решение (постановление) остаётся за субъектом публичной администрации. Использование термина «делегирование властных полномочий» применительно к этой ситуации некорректно: полномочие не передаётся алгоритму, меняется лишь способ получения фактических данных, на которых полномочие реализуется.

От этой ситуации следует отличать случаи, когда ИИ используется непосредственно для подготовки проекта административного акта либо для выработки рекомендации, на которую должностное лицо ориентируется при принятии решения. Именно эти случаи порождают наиболее острые проблемы соотношения с институтом административных процедур: возникает вопрос, сохраняется ли самостоятельное усмотрение должностного лица, если оно воспроизводит вывод, предложенный алгоритмом.

Такое различие согласуется с выделяемыми в современной литературе уровнями автоматизации административных процедур – от вспомогательных систем до полной автоматизации [8]. Вопрос об ответственности должностного лица при следовании алгоритмической рекомендации должен рассматриваться сквозь призму недопустимости фактического делегирования властного усмотрения ИИ-системе [11].

Крайний случай – принятие решения на основании исключительно автоматизированной обработки данных – прямо ограничен частью 1 статьи 16 Федерального закона № 152-ФЗ¹. Норма допускает такое решение только при наличии согласия субъекта и предоставляет ему право возражения. В публично-правовой сфере действие этой нормы означает общий запрет на автоматическое принятие решений, порождающих юридические последствия для гражданина, без участия человека и без процедурных гарантий.

Институт административных процедур содержит требование мотивированности ненормативного административного акта. В позитивных административных процедурах оно выражается в обязанности публичной администрации раскрыть фактические и правовые основания индивидуального решения; в смежном деликтном производстве аналогичный ориентир проявляется, в частности, в статье 29.10 КоАП РФ, требующей указания обстоятельств, установленных при рассмотрении дела, и мотивированного обоснования принятого решения².

Нормы института ИИ, допускающие применение алгоритмических средств, прямо вступают в противоречие с этим требованием в случаях, когда алгоритм основан на методах машинного обучения. Для таких систем характерен феномен, устойчиво именуемый в литературе «чёрным ящиком»: формально-математический переход от входных данных к выходному результату не поддаётся содержательной реконструкции в терминах правовых оснований. Это означает, что при использовании подобной системы в подготовке административного акта требование мотивированности либо формально соблюдается без реального раскрытия логики, либо не может быть выполнено по технологическим причинам [5].

В этом отношении проблема мотивированности связана не только с технической объяснимостью, но и с публичностью административного решения: если основания решения не могут быть представлены адресату и суду в правовой форме, решение утрачивает качество проверяемого публичного акта [9].

Указанное противоречие следует рассматривать как коллизию в широком смысле, а отсутствие специальных процедурных правил – как пробел регулирования. Разграничение этих дефектов важно методологически: пробелы могут временно преодолеваться правоприменением через аналогию, общие принципы и доктринальное толкование, но устраняются

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

они посредством принятия или изменения норм; коллизии могут преодолеваются правилами иерархии, соотношения общей и специальной нормы, темпорального приоритета и предмета регулирования, но окончательно устраняются согласованием или корректировкой конкурирующих нормативных предписаний.

За пределами специальных случаев автоматизированной фиксации и экспериментальных цифровых режимов российское законодательство не содержит специальных норм о порядке подготовки ненормативного административного акта с использованием ИИ. В частности, не установлены:

- требования к предварительной проверке алгоритма перед его внедрением в публично-властную деятельность (аналог оценки воздействия на права граждан);
- обязанность органа указывать в административном акте факт использования ИИ при его подготовке, а также характер такого использования (вспомогательное/рекомендательное);

- специальные требования к хранению и предоставлению по запросу субъекта сведений о параметрах алгоритма, обеспечивающих возможность проверки обоснованности акта.

О.А. Ижаев, Д.Л. Кутейников и С.С. Зенин обоснованно указывают на потребность в разработке «специальных правовых механизмов», обеспечивающих прозрачность и подконтрольность алгоритмических решений [4, с. 123–127]. Эта позиция нуждается в конкретизации применительно к административным процедурам: необходимо законодательное закрепление требования о том, что ненормативный административный акт, подготовленный с использованием ИИ, содержит указание на применение алгоритмических технологий, а заинтересованному лицу обеспечивается возможность оспаривать акт по мотиву необоснованности алгоритмического вывода.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации не является источником административных процедур в строгом смысле, поскольку регулирует судебный порядок проверки публичных актов. Однако глава 22 КАС РФ формально распространяется на оспаривание актов, подготовленных с использованием ИИ, поскольку правовая природа акта не меняется от способа его подготовки¹. Вместе с тем существующее процессуальное регулирование не учитывает технологической специфики таких актов.

Во-первых, отсутствует специальное основание обжалования – необоснованность алгоритмического вывода. Заинтересованное лицо вынуждено обосновывать незаконность акта в общих категориях (несоответствие материалам дела, нарушение норм материального или процессуального права), что применительно к алгоритмическим решениям затруднено технически: истец не располагает сведениями о параметрах алгоритма и не может доказать дефект его работы. Во-вторых, отсутствует обязанность ответчика раскрыть характеристики использованной ИИ-системы в пределах, необходимых для проверки обоснованности акта. В результате судебный контроль превращается в контроль за формальным соблюдением процедуры, тогда как содержательная проверка оказывается невозможной. В-третьих, не установлены специальные последствия для ситуации, когда суд установит, что алгоритм был ненадёжным или что его применение было недопустимо в конкретном типе дел. Общие правила отмены акта здесь работают, однако вопрос о системных мерах – запрете дальнейшего применения такой системы, проверке иных актов, с её использованием, – процессуальными нормами не решается.

Регламент (ЕС) 2024/1689² как акт международного объединения не распространяется на территорию Российской Федерации, однако его концептуальные решения заслуживают сравнительного анализа. Регламент классифицирует ИИ-системы по четырём уровням

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

² Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L series. 12.07.2024.

риска; к «высокорисковым» отнесены, в числе прочих, системы, применяемые органами публичной власти для принятия решений, затрагивающих права и свободы граждан (Приложение III к Регламенту). Для таких систем установлены повышенные требования к прозрачности, документированию, человеческому надзору.

Как отмечает О. Мир, Акт ЕС об ИИ не формирует специальный самостоятельный режим автоматизированной административной деятельности, однако вводит набор требований, значимых именно для публичных органов, использующих ИИ-системы [10].

Применимость подобного подхода в российском праве ограничена двумя соображениями. Первое: Регламент – это акт, принятый органами Европейского союза, членом которого Россия не является; прямое заимствование норм методологически некорректно. Второе: российская правовая система исходит из иной модели регулирования ИИ – стимулирующей, а не ограничительной [2]. Вместе с тем сама идея риск-ориентированной классификации ИИ-систем в публично-правовой сфере представляется пригодной для адаптации в российском праве. Её реализация позволила бы дифференцировать процедурные требования к административным актам в зависимости от уровня риска применяемой системы.

Подготовленный Минцифры России проект федерального закона о правовом регулировании ИИ, размещённый в Системе обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы, предусматривает, по имеющимся в пояснительных материалах данным, введение классификации ИИ-систем по уровням риска, требований к маркировке контента, создаваемого ИИ, а также распределение ответственности между разработчиком, оператором и пользователем. Принятие этого акта потенциально устраняет часть выявленного пробела, однако в самом проекте содержатся преимущественно общие положения; процедурная составляющая – порядок подготовки ненормативного административного акта с использованием ИИ, раскрытие факта такого использования и порядок проверки алгоритмического вывода – требует отдельного закрепления в законодательстве об административных процедурах, государственных услугах, контроле (надзоре), а также в нормах о судебном оспаривании публичных актов.

На институциональном уровне развитие регулирования обеспечивается Указом Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116, образовавшим Комиссию при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта¹. Комиссия наделена функциями координации государственной политики в области создания, развития и внедрения ИИ, что создаёт инфраструктуру для выработки согласованных нормативных решений.

Проведённый анализ позволяет сформулировать три направления совершенствования соотношения норм института ИИ с нормами института административных процедур.

Первое направление – процедурное. Целесообразно закрепить в общем законодательстве об административных процедурах (в перспективе – в законе об административных процедурах либо в специальных законах о государственных услугах, разрешительных и регистрационных процедурах, контроле и надзоре) обязанность указывать в ненормативном административном акте факт использования ИИ при его подготовке, а также характер использования (вспомогательное, рекомендательное, иное). Подобное указание – предпосылка для эффективного обжалования акта и для оценки его мотивированности.

Второе направление – процессуальное. В нормах о судебном оспаривании публичных актов, прежде всего в главе 22 КАС РФ, целесообразно закрепить специальный процессуальный механизм проверки алгоритмического вывода, на котором основан ненормативный административный акт. Для смежного деликтного производства аналогичная гарантия может быть учтена в правилах пересмотра постановлений по делам об административных

¹ Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2026. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

правонарушениях. Одновременно необходимо установить обязанность ответчика раскрывать характеристики применённой ИИ-системы в пределах, необходимых для судебной проверки.

Третье направление – классификационное. Опираясь на адаптированный риск-ориентированный подход, целесообразно в рамках разрабатываемого федерального закона об ИИ выделить категории ИИ-систем с повышенными требованиями при использовании в публично-властной деятельности. К таким системам следует отнести системы, применяемые при подготовке ненормативных административных актов, затрагивающих права и свободы граждан. Для них могут быть установлены требования о предварительном аудите, документировании, обеспечении человеческого надзора.

Эти предложения направлены на преодоление и последующее устранение выявленного пробела, а также на преодоление и нормативное снятие коллизии между требованием мотивированности административного акта и технологической непрозрачностью алгоритмического вывода. Они не требуют пересмотра базовых институтов публичного права, а встраиваются в существующую структуру административных процедур применительно к ненормативным административным актам.

Обсуждение

Проведённый анализ позволяет обозначить ряд закономерностей, характеризующих соотношение института ИИ с институтом административных процедур.

Первая закономерность – существование универсального процедурного ограничителя в виде требования участия человека в принятии юридически значимых решений. В институте административных процедур это требование проявляется при подготовке и принятии ненормативного административного акта: алгоритм может участвовать в сборе данных, их первичной обработке или подготовке рекомендации, но итоговое властное решение должно оставаться за компетентным должностным лицом. В информационном праве тот же предел выражен в статье 16 Федерального закона № 152-ФЗ, устанавливающей правило об исключительно автоматизированных решениях. В смежном деликтном производстве он проявляется в ответственности должностного лица за вынесенное постановление. Этот вывод согласуется с современной дискуссией о пределах автоматизации административных процедур: техническая возможность автоматического вывода сама по себе не устраняет необходимости человеческого надзора, документирования и сохранения ответственности публичного субъекта [8; 11].

Вторая закономерность – опережающее развитие норм института ИИ по сравнению с процедурными нормами института административных процедур. Экспериментальные правовые режимы, программные документы, технические стандарты формируют правовое поле для применения ИИ, но не предусматривают достаточных процедурных гарантий для граждан и организаций, в отношении которых готовится или принимается ненормативный административный акт. Этот разрыв согласуется с характеристикой российской модели как «стимулирующего регулирования» [2], при котором развитие технологий опережает выстраивание правовых рамок. Для соотношения институтов это означает, что пробелы в административных процедурах не восполняются автоматически нормами института ИИ: требуется специальное процедурное законодательство.

Третья закономерность – комплексный характер института ИИ обуславливает потребность в координации нормотворческой деятельности по нескольким направлениям. Нормы о защите персональных данных при использовании ИИ (относящиеся к информационному праву) одновременно затрагивают административные процедуры, если данные обрабатываются при подготовке индивидуального публичного решения, и конституционное право на неприкосновенность частной жизни. Соответственно, развитие одного элемента института ИИ требует согласованных изменений в смежных институтах, а не изолированного дополнения отдельных нормативных актов.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что Регламент (ЕС) 2024/1689¹ представляет собой первую попытку системного разрешения описанных дефектов за счёт риск-ориентированной классификации. Этот подход не может быть прямо перенесён в российское право: речь идёт об акте международного объединения, не распространяющемся на Россию, а также об ином типе регулирования (ограничительном против стимулирующего). Однако концептуальная идея дифференциации требований в зависимости от уровня риска применима в условиях российского правопорядка и согласуется с общей логикой институционального развития, закреплённой в Указе Президента Российской Федерации № 116² и в разрабатываемом проекте федерального закона об ИИ³.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, институт ИИ в публичном праве представляет собой формирующийся комплексный межотраслевой институт, объединяющий нормы конституционного, административного и информационного права. Его комплексный характер обусловлен не простым перечнем нормативных актов, а предметным единством регулируемых отношений, специальным понятийным аппаратом, общей гарантийной функцией и необходимостью координации норм, применяемых при использовании ИИ в публично-властной сфере.

Во-вторых, соотношение института ИИ с институтом административных процедур применительно к ненормативным административным актам характеризуется двумя типами правовых дефектов. Первый – правовой пробел: отсутствие специальных норм, регулирующих подготовку такого акта с использованием ИИ, а также процедуру проверки обоснованности алгоритмического вывода. Второй – правовая коллизия в широком смысле: противоречие между требованием мотивированности административного акта и технической непрозрачностью отдельных алгоритмов машинного обучения. Пробелы могут преодолеваются правоприменением и устраняться нормотворчеством; коллизии могут преодолеваются правилами их разрешения и устраняться согласованием нормативных предписаний.

В-третьих, обосновано разграничение между автоматизированной фиксацией юридически значимых событий (статья 28.6 КоАП РФ) и автоматизированной подготовкой административного решения. В первом случае автоматизируется лишь отдельная операция – сбор и первичная обработка доказательственной информации, тогда как властное решение выносит должностное лицо; поэтому производство по делу об административном правонарушении не должно без оговорок использоваться как пример административной процедуры. Во втором случае – при использовании ИИ для подготовки проекта ненормативного административного акта либо выработки рекомендации – возникают самостоятельные проблемы, требующие специального правового регулирования.

В-четвёртых, сформулированы три направления совершенствования регулирования применительно к ненормативным административным актам. Процедурное: закрепление обязанности указывать в акте факт использования ИИ при его подготовке. Процессуальное: введение механизма проверки обоснованности алгоритмического вывода с обязанностью ответчика раскрывать характеристики применённой системы в пределах, необходимых для судебного контроля. Классификационное: адаптация риск-ориентированного подхода

¹ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L series. 12.07.2024.

² Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2026. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

³ Проект федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта в Российской Федерации» (подготовлен Минцифры России, 2025) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).

для выделения категорий ИИ-систем с повышенными требованиями при использовании в публично-властной деятельности. Вопрос о нормативных актах, включая ведомственное нормотворчество, должен рассматриваться отдельно.

В-пятых, в качестве общего ограничителя развития института ИИ в публично-правовой сфере выступает требование участия человека в принятии юридически значимых решений. Оно закреплено в статье 16 Федерального закона № 152-ФЗ, проявляется в позитивных административных процедурах как требование ответственного должностного решения и в смежном деликтном производстве как ответственность должностного лица за вынесенное постановление.

Список литературы

1. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. К. Бабаева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2022. – 582 с. – ISBN 978-5-534-12003-5.
2. Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие / И. А. Филипова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2025. – 321 с. – EDN: DFEHIA.
3. Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 91–109. – <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109>. – EDN: YVXKVA.
4. Кутейников, Д. Л. Искусственный интеллект и право. От фундаментальных проблем к прикладным задачам: монография / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев. – Москва: Проспект, 2022. – 104 с. – ISBN 978-5-392-36643-9. – EDN: DWKFSO.
5. Талапина, Э. В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 25–39. – <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.118>. – EDN: DLFNEL.
6. Талапина, Э. В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении / Э. В. Талапина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 865–881. – <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.404>. – EDN: QYVQZD.
7. Попова, Н. Ф. Административное право: учебник для вузов / Н. Ф. Попова. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2026. – 297 с. – ISBN 978-5-9916-7087-6. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт: [сайт]. – URL: urait.ru (дата обращения: 23.04.2026).
8. Parycek, P. Artificial Intelligence (AI) and Automation in Administrative Procedures: Potentials, Limitations, and Framework Conditions / P. Parycek, V. Schmid, A.-S. Novak // Journal of the Knowledge Economy. – 2024. – Vol. 15, No. 2. – P. 8390–8415. – <https://doi.org/10.1007/s13132-023-01433-3>.
9. Frost, N. The Impoverished Publicness of Algorithmic Decision Making / N. Frost // Oxford Journal of Legal Studies. – 2024. – Vol. 44, No. 4. – P. 780–807. – <https://doi.org/10.1093/ojls/ggae027>.
10. Mir, O. The AI Act from the Perspective of Administrative Law: Much Ado About Nothing? / O. Mir // European Journal of Risk Regulation. – 2025. – Vol. 16, No. 1. – P. 63–75. – <https://doi.org/10.1017/err.2024.54>.
11. Butler, O. Algorithmic Decision-Making, Delegation and the Modern Machinery of Government / O. Butler // Oxford Journal of Legal Studies. – 2025. – Vol. 45, No. 3. – P. 727–752. – <https://doi.org/10.1093/ojls/gqaf018>.

References

1. Babaev VK, ed. *Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law]: textbook*. 4th ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait Publ.; 2022. 582 p. ISBN 978-5-534-12003-5. (In Russ.).
2. Filipova I.A. *Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta [Legal regulation of artificial intelligence]: textbook*. 3rd ed., rev. and suppl. Nizhny Novgorod: UNN Publ.; 2025. 321 p. EDN: DFEHIA. (In Russ.).
3. Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the perspective of law. *RUDN Journal of Law*. 2018;22(1):91–109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109. EDN: YVXKVA. (In Russ.).
4. Izhayev O.A., Kuteinikov D.L., Zenin S.S., Lebedev V.A. *Iskusstvennyi intellekt i pravo. Ot fundamentalnykh problem k prikladnym zadacham [Artificial intelligence and law. From fundamental problems to applied tasks]: monograph*. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. 104 p. ISBN 978-5-392-36643-9. EDN: DWKFSO. (In Russ.).

5. Talapina E.V. Algorithms and artificial intelligence through the prism of human rights. *Journal of Russian Law*. 2020;(10):25–39. DOI: 10.12737/jrl.2020.118. EDN: DLFNEL. (In Russ.).
6. Talapina E.V. Artificial intelligence and legal expertise in public administration. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2021;12(4):865–881. DOI: 10.21638/spbu14.2021.404. EDN: QYVQZD. (In Russ.).
7. Popova N.F. *Administrativnoe pravo [Administrative law]: textbook for universities*. 8th ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait Publ.; 2026. 297 p. ISBN 978-5-9916-7087-6. Available from: urait.ru. Accessed 2026 Apr 23. (In Russ.).
8. Parycek P., Schmid V., Novak A.-S. Artificial intelligence (AI) and automation in administrative procedures: potentials, limitations, and framework conditions. *Journal of the Knowledge Economy*. 2024;15(2):8390–8415. DOI: 10.1007/s13132-023-01433-3.
9. Frost N. The impoverished publicness of algorithmic decision making. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2024;44(4):780–807. DOI: 10.1093/ojls/ggae027.
10. Mir O. The AI Act from the perspective of administrative law: much ado about nothing? *European Journal of Risk Regulation*. 2025;16(Special Issue 1):63–75. DOI: 10.1017/err.2024.54.
11. Butler O. Algorithmic decision-making, delegation and the modern machinery of government. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2025;45(3):727–752. DOI: 10.1093/ojls/gqaf018

Информация об авторе

С.В. Иванов – аспирант, Московский университет "Синергия".

Information about the author

S.V. Ivanov – postgraduate student, Moscow University «Synergy».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 12.05.2026; одобрена после рецензирования 03.07.2026; принята к публикации 07.07.2026.

The article was submitted 12.05.2026; approved after reviewing 03.07.2026; accepted for publication 07.07.2026.